

УДК 821.161.3-311.6:13

Ольга Лиденкова (Гомель)

ГЕРМЕТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ

Статья посвящена изучению герметических мотивов как структурообразующего элемента прозы современной белорусской писательницы Л. Рублевской. Рассматривается роль алхимической и архетипической образности и герметического принципа объединения противоположностей в разработке нравственно-философской проблематики романов, отражающих поиск способов консолидации народа и воссоздания национального исторического мифа.

Ключевые слова: белорусская литература, символ, аллегория, исторический роман, герметический мотив, трансформация, катарсис.

Использование потенциала алхимической образности в литературе насчитывает не одно столетие, мотивы этого философского учения играют не последнюю роль в произведениях многих английских, итальянских, французских, немецких классиков [5, с. 21]. В современной белорусской литературе к этой традиции обращается в своем творчестве писательница Людмила Рублевская. Ее произведения представляют собой сложный синтез жанров: исторического (неоисторического), фэнтези, детектива, авантюрно-приключенческого, готического романа и значительная роль в них отводится именно герметическим мотивам, которые позволяют придать тексту многомерность, связь с древней мыслительной традицией. Алхимия превращается в одну из мифологем национальной истории, подчеркивает идею автора, что у страны было прошлое и до событий XX века, незаслуженно забытое, потерянное: «цэлая гістарычная Атлантада, пра якую пісаць ды здымаць, ствараючы нацыянальны міф!» [1, с. 360].

Герметические образы в ее романах и повестях — это не в последнюю очередь таинственная символика, которая фигурирует в расследованиях героев и поиске загадочных артефактов. Как исторический фон в текст вкрапляются легенды и упоминания о талантливых ученых, умельцах, которых автор называет алхимиками, причем не всегда в прямом смысле. Это определение для автора является скорее метафорой творческой и неординарной личности («Скокі смерці», «Пярсцёнак апошняга імператара»). Они же становятся значимыми персонажами романов «Забіць нягодніка, альбо Гульня ў Альбарутэнію», «Авантуры Пранціша Вьрвіча, шкаляра і шпега».

Наибольший интерес представляет использование писательницей потенциала герметической символика для разработки религиозно-психологической проблематики. Как отмечал К. Юнг, алхимия — это искусство трансформации не столько веществ, но человека, и параллельно очищению металлов подобным же образом должна очищаться душа. Процесс обретения философского камня, таким образом, является процессом становления личности [4, с. 6]. Так же и писатель, преобразовывая реальность в художественный текст, проводя героя (а с ним и читателя) через духовные трансформации, катарсис, перерождение, верит в свою силу изменить мир. Как пишет доктор Райнер Эссер, «хорошая литература касается нашей души и даже иногда открывает нам ее бездны. И перевернув последнюю страницу, мы уже не те, кем были на первой» [2]. Подобный эффект американский исследователь Дж. Грейнджер называет «литературной алхимией» [3]. Не случайно одного из своих героев — писателя Вячку (Вячеслава Скрынкина) Л. Рублевская называет «демиургом», который пишет «Книгу-реальность» ее романе «Сутарэнні Ромула» 2010 г., где принципы и этапы «Великого делания» отражены в строении сюжета и судьбах героев. Герметические аллюзии появляются уже в самом начале романа: описана легенда о философском камне и башне грифонов алхимика Пеля, а главная героиня Ася (Арсения Важевич) читает в интернете фанфик по Гарри Поттеру — произведению, построенному по принципам семи этапов алхимического процесса. Само имя «Арсения» перекликается с названием вещества «arsenicum», словно намек на то, что она — один из элементов предстоящей необычной химической реакции (этот же прием имени-вещества

присутствует и в романе «Забіць нягодніка, альбо Гульня ў Альбарутэнію»). Сам проводник героини по этим преобразованиям — катализатор всего процесса, друг и писатель Вячка признается в своей любви раскладывать людей «на элементы» [1, с. 478].

Путь духовной трансформации героев в романе выстраивается с помощью символики алхимического процесса, что прослеживается в последовательности анималистических образов (ворон, волк, скелет, петух, лев), колористической схеме произведения (смена черного — белого — красного — золотого этапов в жизни и отношениях героев) [6]. Но центральным символом всего романа можно считать образ «алхимической свадьбы», в ходе которой два противоположных полюса, полярных элемента (мужское и женское начала души по мысли К. Юнга, «ссорающаяся пара») очищаются, гармонизируются и соединяются в одно целое. Восстановление целостности личности человека на другом, высшем духовном уровне и символизировал философский камень, рождающийся в результате символического союза. Этот герметический мотив используется для решения одной из основных проблем романа: потери внутренней целостности, что выражается не только в личностном кризисе отдельных героев, но, на более общем уровне, в извечной разделенности народа между двумя полюсами притяжения — востоком и западом, православием и католичеством. И на трагедию подобной извечной междоусобицы намекает само название романа, указывающее на легенду о Ромуле, братоубийце.

Символами борющихся полюсов, «ссорающейся парой» в романе выступают два героя-антагониста: Данила и Ася. Они — две противоположности, мужчина и женщина, представители двух классов — слуг и господ, несущие груз исторической ненависти и предательства. Она — квинтэссенция женского начала, погруженная в себя, сосредоточенная на своих переживаниях и страхах девушка, чувствительная и эмоциональная до истерики. Он столь же полно воплощает мужскую вспыльчивую и горячую натуру. В них все различно, начиная от характеров, образа жизни, возраста, и заканчивая наследственной враждой их семей. Однако черты аллегоричности и притчевости, которые прослеживаются в романе, выводят конфликт двух героев за рамки просто межличностного противостояния. Образы Квартиры, «Шэрага Гмаху», «Шэрай Будыніны», где работают и существуют герои, — символы современной реальности, в которой персонажи — архетипические образы, те самые «две души», которые уживаются в каждом белорусе, два врага в одном теле-стране. И как перед героями стоит задача преодолеть ненависть, психологические комплексы, различить истину и ложь в истории своего рода, так, по аналогии народу следовало бы осознать свое единство, преодолев бессмысленную, беспричинную вражду.

Не случайно также центральной легендой в романе является предание о серебряном кубке, сочетающем и герметическую символику тела, в котором уравниваются противоположности, и христианский образ Евхаристической чаши, которая дарует любовь вместо ненависти, выводит из подземелья братоубийства к единству.

Потеря внутренней целостности современников отражена и в сцене потери целомудрия героини, неуверенности в себе, страхе отношений. В романе автор неоднократно акцентирует не только взаимную антипатию и конфликты героев, но и их внутреннюю раздвоенность, которая начинается с имен. Арсения — девушка, чье имя значит «мужественная». Фамилия ее врага — Корб-Воронович. Приставка «Корб» созвучна латинскому названию ворона «corvus» (фр. «corbeau», шотл. «corbie») в результате получается почти мифологический Ворон Воронович. Ася видит своего двойника на старинном портрете, пишет рассказы о призраках и фотографирует воздух, словно свой призрак. Сама она, по сути, и является привидением себя настоящей, так как живет в реальности, которая ей отвратительна. Двойничество проявляется и в необычном внешнем сходстве персонажей. Ненавидя друг друга, они ненавидят собственное отражение и, поддаваясь этому противоестественному, саморазрушительному чувству, не могут принять себя и стать собой. И, по мысли автора, чтобы исполнить завещание далекого предка, этим двум антиподам предстоит найти способ соединить две половины разрубленного старинного кубка, который передается в семье из поколения в поколение: «кубак на алтар цэлы стане тылько з чатырох рук і з одной крыві» [1, с. 295].

Лишь постепенное, через путь внутреннего кризиса, метафорической (и почти реальной) смерти и возрождения, герои приходят к пониманию того, что их семьям суждено объединиться, а кубок, о котором говорилось в древней рукописи — их ребенок, искомый

«белорусский Грааль» и их собственный «философский камень». Автор наделяет своих героев силой архетипических образов на пути поиска белорусской идентичности через символическое осмысление исторического пути Беларуси.

Таким образом, герметическая символика в романах Л. Рублевской — средство, которое позволяет более ярко, символически отразить духовное перерождение героев, через испытание, отречение от себя прежнего, несовершенного, победу над своими страстями, страхами и рождение новой личности, а также представить историю страны как единый континуум, неразрывный исторический миф, который станет для народа реальностью, такой же, как стала Книга, написанная и прожитая героями ее романа.

Список использованной литературы:

1. Рублеўская Л. Сутарэнні Ромула: раманы / Л. Рублеўская. — Мінск: Кнігазбор, 2012. — 520 с.
2. Esser R. Die Zeit [Электронный ресурс] / R. Esser. — Режим доступа: <http://de.groups.yahoo.com/group/job-khs/message/1208>.
3. Granger J. How Harry Cast His Spell: The Meaning Behind the Mania for J. K. Rowling's Bestselling Books / J. Granger. — Tyndale House Pub, 2008 — 280 p.
4. Jung C. G. Psychology and Alchemy / C. G. Jung. — London: Routledge, 1980 — 571 p.
5. Lember A. The Heritage of Hermes: Alchemy in Contemporary British Literature / A. Lember. — Berlin: Galda & Wilch, 2004. — 261 p.
6. McLean A. Animal Symbolism in the Alchemical Tradition / A. McLean // The Alchemy web site [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.levity.com/alchemy/animal.html>.

Hermetic Motifs in Belarusian Historical Fiction

The article deals with the hermetic motifs as a structure element in the works of the contemporary Belarusian prose writer L. Rublevskaya. The role of alchemical and archetypal imagery and hermetic principle of the union of opposites is examined in connection with the development of moral and philosophical problems of Rublevskaya's novels that reflect the search for ways to consolidate and re-create a national historical myth.

Key words: Belarusian literature, symbol, allegory, historical novel, hermetic motive, transformation, catharsis.